

Стереотипный идеал рыцарской любви и его отражение в лирике М.И. Цветаевой

В статье раскрываются особенности формирования индивидуального поэтического стиля М.И. Цветаевой и роль влияния на него стереотипов рыцарской литературы, в частности идеала любовных отношений, заимствованных поэтессой в качестве образца.

Русский модернизм, поэзия, рыцарская литература

*Yu.A. Shupletsova,
Shadrinsk*

The courtly love ideal and its reflection in Marina Tsvetaeva's poetry

The article indicates the peculiarities of Marina Tsvetaeva's individual poetic style and the way the chivalry literature stereotypes influences it. The article focuses on the love affairs ideal stereotypes that the poetess uses in her works.

Keywords: Russian modernism, poetry, courtly literature.

Сформированный в эпоху средневековья культ куртуазной любви, бесспорно, оказал неопределимое влияние на восприятие этого чувства людьми последующих эпох. Тот стереотип, который оформился к XII веку, стал базой для оценки силы и качества любовных отношений. «В куртуазной литературе мужчина воспекает возлюбленную. Правила куртуазного поведения предписывали проявление рыцарской любви как преданное служение Даме» [3, с. 93]. Идеалом такого служения стала недостижимость Дамы для рыцаря, которая первоначально ассоциировалась с Богородицей и не требовала иного чувства, кроме поклонения. Но постепенно женщины, обретая черты идеализированной, но все же земной Дамы, рисуется мужчиной как жестокосердная особа. В чувство поклонения проникает элемент безответности, невозможности добиться взаимности, а отсюда развивается мотив страдания. Но эти страдания были для рыцаря желанными, поскольку давали возможность ему и окружающему миру оценить силу любви. Устойчивая схема «любовь – страдания – жажда страданий» в ее различных вариациях через трансформации в веках пришла и в русскую литературу эпохи модернизма, воплотившись в специфической форме в лирике одного из ярчайших поэтов своего времени – Марины Ивановны Цветаевой, которая признана исследователями певицей любви.

Любовь для нее стала целью и смыслом жизни, оправданием всех ее поступков. Чтобы понять всю многогранность возвышенного чувства, наполняющего человека жизнью, обязательно пропитанного трагедией, приносящей страдание и боль, обреченного на расставание, нужно понимать те причины, послужившие толчком для формирования подобного взгляда на любовь. А это восприятие берет свои истоки с начала сознательной жизни поэтессы, с того момента, когда она стала осознавать себя личностью.

Основу такого восприятия заложили в М.И. Цветаеву, прежде всего, ее родители. «Союз двух одиночеств» – так называла брак родителей поэтессы ее дочь Ариадна Эфрон. Отец, Иван Владимирович, «будучи уже немолодым человеком..., похоронил горячо любимую жену и женился вторично, продолжая любить умершую» [1, с. 51]. Начало культу его Прекрасной дамы было положено, точно так же, как и у Марии Александровны Мейн, которая в юности рассталась с любимым человеком и свою тоску по несостоявшейся жизни, полной семейного счастья, вложила в дочерей через обожаемую и

боготворимую музыку. Служение тому, кого уже нет, – то первое, что сделало Цветаеву поэтессой, заставив на подсознательном уровне проникнуться идеей любви-страдания.

В раннем детстве отец познакомил марину с литературой Западной Европы и Античности, откуда она впоследствии почерпнет сюжеты, образы и мотивы, отражающие в себе глубокие психологические переживания. Вся жизнь Цветаевой была пропитана книгами, музыкой, романтикой. Она «беспорядочно читала книги и жила жизнью их героев, исторических и вымышленных, реальных и литературных, одинаково страдая за всех» [1, с. 7].

Увлеченная А.С. Пушкиным, она «не захотела быть счастливой и этим себя на нелюбовь обрекла» [5, с. 23]. И эта нелюбовь Цветаевой предьявляла человеку, в которого поэтесса была влюблена, слишком высокие требования. Она, жаждущая от жизни многого, порой невозможного, «сразу всех дорог», того же хотела и от любви. В любви она искала некий идеал, который есть в книгах, и который, как правило, всегда отсутствует в жизни. Тот самый идеал, который когда-то дала читателю рыцарская литература. Цветаева же трансформировала его, дополнив роком античной литературы и усугубив любовный конфликт, оставаясь при этом в рамках того самого служения и страдания, которое приносит определенное удовольствие и без которого никак нельзя обойтись.

Влюбляясь, Цветаева наделяла своего возлюбленного такими качествами, которыми он, по ее мнению, должен был обладать. Она любила романтизированный образ героя любовных историй, которому простым смертным сложно соответствовать, а, разглядев за маской, которую сама же и надевала на мужчину, личность, Марина разочаровывалась. Очень точно это состояние влюбленности М.И. Цветаевой описал ее муж С. Я. Эфрон: «Почти всегда все строится на самообмане. Человек выдумывается, и ураган начался... Сегодня отчаяние, завтра восторг, любовь, отдавание себя с головой – и через день снова отчаяние...» [2, с. 99].

Хотя Цветаева любила не столько своего избранника, сколько идеальную любовь к нему, чувство, которое «сладчайшим недугом... души терзало и жгло». Как писала сама поэтесса: «Я не любовная героиня, я никогда не уйду в любовника, всегда – в любовь» [5, с. 284]. Практически как в рыцарской литературе, когда образ любимой был слишком обобщен, главным выступало чувство.

В лирике М.И. Цветаевой рыцарем выступает она сама, отражая основные генетические черты этого образа, среди которых, по словам Фокиной С.А., «можно выделить: доблесть, благородство, избранность, характерные и для средневекового рыцарского кодекса» [4, с. 283]:

Вечное сердце свое и служенье
Только ему, Королю!
Сердце свое и свое отраженье
В зеркале... – Как я люблю...

Однако стоит отметить, что роль женщины-рыцаря иногда вызывает существенный дискомфорт у лирической героини, поскольку «жестокосердный» юноша наделяется в силу играемой роли чертами слабости, трусости. От осознания того, что служить приходится такому герою, поэтесса свои страдания облекает в агрессию, заменяя высокое «Вас» на доступное «ты»:

И не оспаривает Вас
Высокородный стих.
Вы можете – из-за других –
Моих не видеть глаз,

Не слепнуть на моем огне,

Моих не чуют сил...
Какого демона во мне
Ты в вечность упустил!

Такой возлюбленный становился причиной страданий, разочарований, и тогда служение переходило к Миру, становившемуся символом рыцарства, а сама героиня превращалась в вассала этого мира, осознаваемого себя его частицей:

Ноши не будет у этих плеч,
Кроме божественной ноши – Мира!
Нежную руку кладу на меч...

Но любовь М.И. Цветаевой всегда возвращалась от мимолетных разочарований к поклонению, превознесению возлюбленного до уровня божества, ради которого она была способна на любые подвиги:

Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес,
Оттого что лес – моя колыбель, и могила – лес,
Оттого что я на земле стою – лишь одной ногой,
Оттого что я о тебе спою – как никто другой.

М.И. Цветаева, воспитанная на идеалах рыцарской любви, трансформировала их в своем творчестве до поклонения возлюбленному, который невольно приводил ее своим отношением к страданию, но в этом страдании она всегда находила повод для творчества, она ждала их, чтобы жить и писать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудрова, И. Жизнь Марины Цветаевой (документальное повествование) / И. Кудрова. – М. : Звезда, 2002. – 312 с.
2. Кудрова, И.В. Версты, дали...: Марина Цветаева: 1922-1939 / И.В. Кудрова. – М. : Сов. Россия, 1991. – 368 с.
3. Митева, Е.Н. Концепт «рыцарство» в смысловой структуре стихотворения М. Цветаевой «Я с вызовом ношу его кольцо...» / Е.Н. Митева // Уральский филологический вестник. – 2013. – №5. – С. 91-98.
4. Фокина, С.А. Становление концепта «рыцарство» в ранней лирике М.И. Цветаевой / С.А. Фокина, Е. Митева // Русистика и словесность. – Одесса, 2014. – С. 278-284.
5. Цветаева, М.И. Проза / М.И. Цветаева. – М. : Современник, 1989.